

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(Рец. на кн.: Георгиева Т. Консерватизм и национализм в Русия: Втората половина на 60-те — средата на 80-те години XIX век. — В. Търново: Изд. Фабер, 2015. — 312 с.)

УДК 94(470) “18”

ББК 63.3(2)522-4

Вышла в свет новая книга Тины Георгиевой, преподавателя истории России и Восточной Европы исторического факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского, посвященная идеологическим течениям российской общественной мысли второй половины XIX в. Это вторая книга по проблемам российской истории Тины Георгиевой, чьи давние профессиональные интересы связаны с изучением развития общественно-политических идей в России и их комплексного воздействия на политику империи. Ее первая монография «Славянская идея в России 30–50-х годов XIX века»¹ вышла шесть лет назад.²

Новая монография автора тематически подразделяется на три главы — «Возникновение и основные принципы неоконсерватизма»; «Политическая программа пореформенного консерватизма»; «Зарождение и проявления русского национализма».

Первая глава открывается исследованием истоков русского консерватизма, что логично объясняет, почему автор выходит за пределы указанного в заглавии периода (1865–1885 гг.). Идея о принципиальном отличии России от Запада приобретает особую популярность в русских консервативных и патриотических кругах в пореформенный период, однако, как показывает автор, в русском обществе эта идея возникла еще в 1830–1840-х гг. Среди ее первых приверженцев был профессор русской истории и известный публицист Михаил Погодин. Вскоре эта идея превращается в фундамент славянофильской идеологии. Михаил Погодин, московские славянофилы Алексей Хомяков, Иван Киреевский и Константин Аксаков отстаивали мысль о том, что Россия — это особый мир, следующий своему собственному

пути развития, и в своих сочинениях отмечали основополагающие различия русской и западной цивилизаций, их разные исторические траектории (с. 17).

Затем, реконструируя процесс становления русского неоконсерватизма, Тина Георгиева подробно характеризует идеи и деятельность ряда российских мыслителей (в частности, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева), способствовавших его утверждению на общественной арене. Однако в фокусе внимания автора оказываются три крупные фигуры пореформенной эпохи, сыгравшие ключевую роль в развитии консервативной идеологии: это — Константин Победоносцев (наставник престолонаследника и будущего императора Александра III), Михаил Катков (журналист и издатель газеты «Московские ведомости») и Владимир Мещерский (издатель газеты «Гражданин»), единственный из троих, кто с гордостью определял себя как консерватора. Примечательно, что Константин Победоносцев и Михаил Катков начинали свою политическую деятельность как реформаторы и уже позднее примкнули к лагерю критиков перемен.

В книге очерчены специфические рычаги влияния, которые эти три идеолога использовали, формируя и политику империи, и широкое общественное мнение. От внимания автора не ускользнули и известные «странности» в позиционировании этих идеологов, которые до сих пор были неизвестны большинству болгарских читателей. Так, Михаил Катков не раз заявлял, что не принадлежит ни к одной из партий и выражает лишь собственное мнение. Т. Георгиева отмечает, что и идеолог консерватизма Мещерский всегда отделял себя от правых сил (с. 10). Константин Победоносцев также отмечал, что выражает только собственное отношение к происходящему, и признавался в своей глубокой отчужденности от политики и в непричастности к какому-либо общественно-политическому лагерю (с. 11). Резюмируя материал первой главы, Т. Георгиева приходит к выводам, которые

¹ Георгиева Т. Славянската идея в Русия: 30-те — 50-те години на XIX век. В. Търново. Изд. Фабер, 2009. 299 с.

² Важно отметить факт включения этой книги в Российский индекс научного цитирования, что свидетельствует об интересе российских читателей к работам автора. См.: URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=19729971> (дата обращения: 01.11.2015).

в целом корреспондируют с мнением Ричарда Пайпса о том, что в правление Александра II в России имел место и даже доминировал «интеллектуальный консерватизм», тогда как с приходом к власти его наследника его сменил «бюрократический консерватизм».³

О причинах становления и особенностях «бюрократического консерватизма» говорится во второй главе. Автор детально исследует этот феномен и справедливо отмечает, что каждая из вводимых реформ расширяла круг вызвавших споры проблем и потому неизбежно попадала под прицел критики со стороны консолидирующегося «охранительного» лагеря. Реформа местного самоуправления 1864 г., военная и судебная реформы 1870 г. давали повод идеологам неоконсерватизма излагать свои позиции по актуальным проблемам развития Российской империи. На фоне расширения деятельности реформаторов происходила и активизация критиков всего того, что совершалось в стране. На «реанимацию» консервативных идей повлияло несколько факторов: с одной стороны, это идеализация реформ, умеренные ожидания общества, которое рассчитывало на быстрый прогресс страны в результате введения новых законов и учреждений; с другой — то, что и сами реформы продвигались медленно и порой не вполне успешно.

Исследуемый период в истории Российской империи отмечен тем, что уже к 1883 г. правящие круги свои первоначально возобладавшие либеральные настроения достаточно резко «заменяли на охранительные принципы» (с. 104). Но еще до этого русское общество столкнулось с новыми реалиями: с террором и все более частыми случаями политических убийств (в книге подробно описано, например, покушение Д. Каракозова на жизнь императора в 1866 г.), с проникновением в страну идей западного либерализма. Влияние последнего инспирировало в обществе споры по злободневному вопросу: нужны ли парламент и конституция Российской империи? Предложенный М. Т. Лорис-Меликовым «Всепопданнейший доклад» (1881), условно названный впоследствии «конституцией» (1904), выглядит в представлении болгарских читателей вполне логичным шагом. Несмотря на то что в Российской империи в XIX в. так и не была введена конституция, создать ее было вполне по

силам русским юристам. Доказательством этого, в частности, является тот факт, что русские юристы участвовали в создании Тырновской конституции 1879 г. Болгарского княжества, которая вполне успешно действовала до 1934 г.

Менее понятно, почему конституция не была введена в действие в самой империи. Одна из причин этого, по мнению автора, заключалась в сопротивлении консервативных сил и в их огромном влиянии на политическую жизнь страны. Примерно так же дело обстояло и с парламентом. Победоносцев, Мещерский и Катков, несмотря на имевшиеся у них между собой идеологические разногласия, выступали яркими противниками парламентаризма, считая его воплощением нигилизма. Т. Георгиева отмечает крайние, радикально негативные взгляды на этот институт со стороны консерваторов: Катков говорил о нем как о «судебной республике и деспотизме коллективной силы», а Мещерский усматривал влияние нигилизма даже в развитии женского образования влияние нигилизма (с. 122). Весьма интересно представлено автором и борьба консерваторов с идеей созыва Земского собора. В книге отмечено, что этот вопрос был поставлен в мае 1882 г. известным деятелем не только российской, но и болгарской истории, графом Н. П. Игнатьевым (с. 53). Показательна реакция на это Победоносцева: он определил всё это как нелепую фантазию и как завуалированную попытку ввести в стране форму парламентского правления.

В последней главе генезис русского нигилизма исследован с начала XIX в. Однако автор отмечает, что до середины 1860-х гг. споры по этим вопросам казались почти невыносимыми, поскольку ведущим принципом управленческой стратегии официального Санкт-Петербурга оставался «имперский легитимизм» (с. 166). Сильный импульс развитию национализма дали события внутреннего и внешнего плана — Польское восстание 1863 г. и (в еще большей степени) вмешательство иностранных государств в это событие, считавшееся сугубо внутренним делом Российской империи.

В этой связи наметились и основные темы, на которых в последующем сосредоточилось русское национальное движение: это — отношение центральной власти к «западным окраинам», точнее говоря к Прибалтике, Польше и Финляндии. В результате, как утверждает автор, были сформулированы некоторые принципиальные положения зарождающегося русского национального проекта. В основном они

³ Pipes R. Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30, no. 1. P. 123.

были направлены против сохранявшейся автономии этих регионов. Другим требованием являлось введение русского языка в административной сфере, что стало фактом в прибалтийских губерниях в 1885 г.

Взгляды на национальный вопрос изменялись и в самом обществе. В книге весьма остроумно подмечено, что «...нарастание националистических настроений в русском обществе можно проследить в изменении отношения к взглядам Юрия Самарина».⁴ За свою первую публикацию (1847), критиковавшую местное автономное управление в Риге, Самарин был заключен в Петропавловскую крепость, а сама публикация практически не имела отклика в обществе. Ситуация в корне изменилась в 1868 г., когда он вновь в критическом духе написал об управлении этой «окраиной» России. На этот раз ареста не последовало, а в образованных кругах книга была встречена с одобрением.

Не менее интересно в монографии проанализировано политическое противостояние национал-патриотов с «украинофилами» и их отношение к украинскому языку. Следует добавить, что внимание националистов привлекали не только населенные украинцами территории в пределах империи, но и соответствующие зарубежные анклавы, например Галиция, находившаяся в составе Австро-Венгерской империи.

В конечном итоге, как отмечает автор, русский национализм как система идей во второй половине XIX в. формировался в столкновениях позиций по ведущим вопросам — польскому, украинскому, прибалтийскому. Дебаты по ним дали возможность тем силам, которые определяли себя как «патриотические», предложить идеологическую платформу для решения этих вопросов и ряд практических мер.

Подводя итоги, можно резюмировать, что автор, в целом, убедительно реконструирует процесс возникновения и развития двух основных идеологических течений русской общественной мысли второй половины XIX в. — консерватизма и национализма. Выводы книги создают обоснованный смысловой переход к

рассмотрению этих течений в контексте особого варианта политической модернизации, которому следовали власти Российской империи в пореформенный период. В монографии также раскрыто влияние теории «официальной народности» на формирование идеологии «охранительства» и политической программы, выработанной ее последователями. В этом свете объяснимо, почему болгарским автором делается особый акцент на роли славянофильских концепций в развитии идей неоконсерватизма и зарождении русского национализма. Нетрудно уловить здесь и известную переключку с влиянием такого фактора, как восстановление болгарской государственности после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Интересен и еще один специфический аспект авторского анализа. В работе раскрыт спектр основных вопросов, которые русский национальный проект ставил перед самодержавием, а также те меры, которые в его рамках предлагались для их решения. И то и другое представлено не только в эмпирической плоскости, но и в сопоставлении мнений и оценок современных российских и зарубежных исследователей (причем не только европейских)⁵ относительно актуальности указанных проблем и удачности предлагавшихся решений.

Обращает на себя внимание не только весьма обширная библиография труда (протитировано 198 книг и статей, не считая газетных публикаций), но и плодотворная работа автора в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 120 — М. Н. Катков; Ф. 126 — Киреевы и Новиковы; Ф. 230 — К. П. Победоносцев, Ф. 332 — Ф. В. Чижов). Монография явилась, таким образом, результатом многолетней кропотливой работы, в том числе и в России. Несмотря на строго научный стиль изложения, книга Т. Георгиевой читается легко и потому, надеюсь, будет интересна не только исследователям, но и всем любителям истории. Новую монографию кандидата исторических наук Т. Георгиевой можно рекомендовать любой научной библиотеке, которая специализируется по тематике российской истории.

Асен Кожухаров, кандидат военных наук, доцент,
Высшее военно-морское училище им. Николы Вапцарова (Болгария, Варна)

⁴ Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1890–1898. Т. 7: Письма из Риги (1889).

⁵ См.: Matuzato K. The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864–1906. Russian Anti-Polonism under the Challenge of Modernization // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropes. Neue Folge, 2003. Bd. 51, H. 2. S. 218–235.